

«ЖИЗНИ БЕЗ ТЕБЯ НЕТ. Я ЭТО ВСЕГДА ГОВОРИЛ...»

Лиля БРИК

ПРИСТРАСТНЫЕ РАССКАЗЫ

Так писал о своем чувстве Владимир Маяковский. Писал, конечно же, ей, единственной и неповторимой женщине-загадке, той, которая значила для него все, - Лиле Брик.

Какая это была любовь! Любовь, о которой написаны сотни, если не тысячи статей и книг. Которую вычеркивали, вырезали из почти готовых сочинений. Ради забвения которой закрывали музеи и рассыпали наборы уже готовых изданий - и все напрасно.

Казалось бы, уже столько издано, написано, а вновь и вновь появляются книги, на обложках которых завораживающий облик Лили Юрьевны. Как выясняется, осталось еще очень и очень много такого, что дает нам возможность действительно приблизиться к подлинной истории этой удивительной женщины и этой обжигающей любви.

Только что в нижегородском издательстве «Деком» увидела свет книга «Лиля Брик. Пристрастные рассказы». Большинство включенных в нее писем и воспоминаний публикуется впервые. Подчеркиваем - впервые.

И в этом нет ничего удивительного, потому что книгу подготовила Инна Юлиусовна Генс, верная спутница жизни недавно покинувшего нас Василия Васильевича Катаняна, ставшего душеприказчиком и распорядителем необозримого наследия Лили Юрьевны. Все дело в том, что его отец, Василий Абгарович Катанян, был мужем Лили Брик. И кинорежиссер, блистательный мемуарист Василий Васильевич Катанян, разбирая архивы, превратился в одного из лучших специалистов по Маяковскому. Таким же, каким был и его отец,

автор фундаментального труда «Маяковский. Хроника жизни и деятельности».

Почти все огромное собрание Лили Юрьевны, долгие годы являвшейся, если так можно сказать, одним из неофициальных культурных центров советской Москвы, Василий Васильевич и Инна Юлиусовна, после тщательного разбора и описания, сдали в музеи и архивы. И сегодня, продолжая дело Василия Васильевича, яростно отстаивавшего доброе имя Лили Брик, Инна Генс и другой создатель книги - Яков Гройсман издали в «Пристрастных рассказах» целую россыпь сокровищ, связанных с именами первого поэта революции и его музы.

Так, читателей ждет встреча со знаменитыми записками Маяковского, где трибун, могучий оратор и новатор поэзии, человек, писавший стихи поразительной мощи, предстает нежным, любящим, большим ребенком. На небольших листах бумаги он писал короткие, игривые строки, называя свою любимую Кисой и подписываясь своим прозвищем Щен или Счен (так звали собаку, жившую у них в доме). И каждая записка заканчивалась рисунком этого самого щенка, который под быстрым карандашом Маяковского представлял либо грустно сидящим, либо скачущим от радости. К слову, кроме факсимиле этих записок составители включили в «Пристрастные рассказы» и воспроизведение брошюры «Щен: Из воспоминаний о Маяковском», изданной Лилей Юрьевной во время войны, в эвакуации в Молотовской области (этот регион России нам сегодня более известен под названием

Пермской). Повесть также была иллюстрирована неповторимыми «щенками Маяковского».

Даже публикации этих записок хватило бы для объявления книги сенсацией. Но только ими «Пристрастные рассказы», естественно, не исчерпываются.

«Но не всегда я могла ходить за ним по пятам. Да он бы не допустил этого. Усмотреть за ним было невозможно. Если б он хоть на минуту увидел опеку с моей стороны, он, вероятно, разлюбил бы меня. К счастью, мне была несвойственна роль няньки.

Когда Володя застрелился, меня не было в Москве. Если б я в то время была дома, может быть, и в этот раз смерть отодвинулась бы. Кто знает?»

Это - цитата из воспоминаний Лили Брик, реконструированных составителями. Воспоминаний о первом знакомстве со знаменитым скандалистом-футуристом в Малаховке, когда до падения императорской России оставалось еще целых два года, о первых литературных опытах, о жизни в Гендриковом переулке, в квартире, ставшей потом музеем, а в годы сулловщины закрытой - такую ненависть вызывало само имя Лили Юрьевны. Те, кто возьмут книгу в руки, прочтут также неведомые доселе записки Лили Брик о человеке, который так любил и ее, и Маяковского - Осипе Брике, познакомятся с дневниками, которые восхищенная Лили Юрьевна вела во время первой поездки в Париж. И, конечно, настоящим открытием станет публикация дневниковых записей за 1929 - 1932 годы, в которые вошел и страшный апрель 1930-го, разделивший жизнь на «до и после» Маяковского.

«Так тяжело мне не было никогда - я, должно быть, действительно чересчур вырос. Раньше, прогоняемый тобою, я верил во встречу. Теперь я чувствую, что меня совсем отодрали от жизни, что больше ничего и никогда не будет. Жизни без тебя нет. Я это всегда говорил, всегда знал. Теперь я это чувствую, чувствую всем своим существом. Все, все, о чем я думал с удовольствием, сейчас не имеет никакой цены - отвратительно.

Я не грожу, не вымогаю прощения. Я ничего тебе не могу обещать. Я знаю, нет такого обещания, в которое ты бы поверила. Я знаю, нет такого способа видеть тебя, мириться, который бы не заставил тебя мучиться.

И все-таки я не в состоянии не писать, не просить тебя простить меня за все».